

Батаєва Катерина Викторовна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»

Попова Ольга Александровна

аспирант кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Одной из наиболее актуальных проблем в современной теории вынужденной миграции¹ признана сложность социальной адаптации мигрантов, сталкивающихся с необходимостью ресоциализации в новом социальном контексте. Эффективному протеканию социальной адаптации вынужденных мигрантов могут способствовать самые разные факторы, одним из которых является обладание социальным капиталом.

Согласно А. Портесу, «социальный капитал – это способность акторов получать прибыль благодаря членству в социальных сетях или других социальных структурах» [1, с.6]. Если различать три формы социального капитала – скрывающий (bonding) [2, с.66-73], соединяющий (bridging) и контактный/связывающий (linking) [3], то можно будет предположить, что вынужденные мигранты сохраняют «скрывающий» (bonding) социальный капитал, аккумулированный в семье или в дружественных сетях и предполагающий безусловное («вынужденное») доверие и поддержку в силу родственности/близости отношений; отчасти теряют «соединяющий» (bridging) социальный капитал, предполагающий связи с приятелями, сотрудниками, членами разнообразных организаций или клубов по интересам, за исключением Интернет-сообществ, членство в которых не привязано к определенной территории, и отчасти разрушают «контактный/связывающий» (linking) социальный капитал, сутью которого являются вертикальные социальные связи с акторами, занимающими властные позиции – начальством, профессиональной элитой, городской администрацией и т. п. Как полагает М. Вулкок, связывающий (linking) капитал является результатом более слабых межгрупповых отношений, но имеет наиболее ценный результат, поскольку (linking) обеспечивает доступ к властным структурам и институтам, предоставляющим определенные статусные гарантии; в отличие от скрывающего (bonding), соединяющий и связывающий (bridging and linking) виды капитала характеризуются экспозицией и развитием новых идей, ценностей и перспектив [3]. С другой стороны, как отмечают Р. Хокинс и К. Маурер (R. Hawkins, K. Maurer), в экстраординарных ситуациях (таких, как природные или социальные катастрофы) именно скрывающий (bonding) капитал, накопленный в семье и сообществе друзей, помогает социальным акторам справиться с травматическим воздействием обстоятельств: «скрывающий (bonding) социальный капитал оказался особенно актуальным при оказании материально-технической помощи во время и после шторма и наводнения в Новом Орлеане ... Мы заметили силу скрывающего (bonding) социального капитала в том, что он помог людям объединить ментальные и физические ресурсы для выживания во время бури. Скрывающий (bonding) социальный капитал сыграл важную психологическую роль в развитии стрессоустойчивости» [4, с. 1788-1789]. Можно предположить, что и для вынужденных внутренних мигрантов в Украине, которые прошли через тяжелый опыт войны и разрушения привычного образа жизни, именно скрывающий (bonding) социальный капитал может оказаться более актуальным в силу его способности возрождать, укреплять силы в борьбе за выживание (surviving) в экстремальных жизненных контекстах.

Силу и размеры всех трех разновидностей социального капитала можно измерить с помощью индикаторов, выделенных П. Бурдье, Р. Патнэмом и Дж. Колуманом: силой доверия, нормами взаимности и членством в социальных сетях; поскольку «социальный капитал относится к особенностям социальной организации, таким как сети, нормы и доверие, которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды» [5, с. 35]. В современной социологии различают три формы доверия – партикуляризированное/персонализированное доверие (particularized или personalised trust) [6], то есть доверие к близким людям, членам семьи и друзьям, обладающим сходными социально-культурными показателями; генерализованное доверие (generalized trust) [6] – доверие к незнакомым людям, обладающим несходными социально-культурными показателями; институционализированное доверие (institutional trust) [7] – доверие к представителям различных общественных организаций и органов власти.

Второй, выделенный Р. Патнэмом и Дж. Коулманом, показатель социального капитала – «нормы взаимности» – означает, что социальные акторы готовы действовать, учитывая интересы других людей; в обмен на оказанные услуги и помощь они готовы совершить аналогичные действия и адресовать их нуждающимся в помощи. Как полагает У. Стоун, взаимность – это процесс социального обмена услугами и действиями между социальными акторами, предполагающий, что оказанная помощь или услуга будет

¹ Вынужденная миграция – это миграционные потоки, причиной которых является угроза жизни или благосостоянию людей вследствие природных, техногенных или политических (например, войны и межнациональные конфликты) причин.

спустя время «возвращена» теми, кто смог ее получить ранее [8]. В разных социальных сетях (формальных или неформальных) нормы взаимности имеют разный характер, силу и устойчивость. Так, в семье или дружеских сообществах, в которых имеет место долгосрочный, стабильно осуществляемый и регулярный обмен помощью и услугами, нормы взаимности будут более прочными, надежными и гибкими, чем в социальных сетях с менее регулярными и краткосрочными контактами [8].

Третий показатель – «членство в сетях» – может быть представлен в приватном пространстве (наличие семейного сообщества) и публичном пространстве (членство в религиозных, спортивных, профессиональных, политических, волонтерских, благотворительных и т. д. добровольных организациях, а также во властных структурах).

ЛИТЕРАТУРА: 1. Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24. 2. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community // Journal of Democracy. – January 1995. – P. 65–78. 3. Woolcock M. The place of social capital in understanding social and economic Outcomes // Canadian Journal of Policy Research, 2001. – № 2 (1). – P. 11–17. 4. Hawkins R. Maurer K. Bonding, Bridging and Linking: How Social Capital Operated in New Orleans following Hurricane Katrina // British Journal of Social Work. – 2010. – № 40. – P. 1777–1793. 5. Putnam R. The Prosperous Community: Social Capital and Public Life // American Prospect. – 1993. – № 13. – P. 35–42. 6. Uslander E. Trust and Consequences // Communitarian Summit, February 1999, Arlington, VA. <http://gvptsites.umd.edu/uslaner/commun.pdf> 7. Uslander E. Trust but Verify: Social Capital and Moral Behavior // Social Science Information. – 1999. – Vol. 38. – March. – P. 29–56. 8. Stone W. Measuring Social Capital. Towards a theoretically informed measurement framework for researching social capital in family and community life // Research Paper. – № 24, February 2001. – <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.178.5706&rep=rep1&type=pdf>.

ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ В УКРАИНЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Попова Ольга Александровна

аспирант кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»

В современной социологии отсутствует единое представление о специфике миграционных процессов, с которыми столкнулась Украина в ходе военного конфликта на Донбассе. Однако четкое понимание причин и специфики протекания этих процессов крайне важно для разработки адекватных мер по социальной адаптации мигрантов из зоны конфликта, которые на сегодняшний день пребывают в состоянии неопределенности, что не позволяет им строить эффективные адаптационные стратегии.

По критерию добровольности различают принудительную (насильственную), добровольную и вынужденную миграцию. Принудительная миграция – это насильственное переселение людей, осуществляемое, как правило, по инициативе государства. Причиной добровольной миграции является стремление к улучшению условий жизни. Вынужденная миграция – перемещение украинцев в силу угрозы жизни и благосостоянию вследствие природных, техногенных или политических (например, войны и межнациональные конфликты) причин [1]. Следует отметить, что мотивация добровольной миграции – позитивная, вынужденной – негативная.

Предметом нашего анализа является вынужденная миграция в Украине, которая может быть классифицирована по различным основаниям. С точки зрения правового статуса процесс миграции из зоны АТО является легальным, поскольку все мигранты ранее официально проживали и продолжают проживать на территории Украины, то есть их базовый правовой статус не изменился. Но при этом не все мигранты получили правовой статус ВПЛ (внутренне перемещенных лиц), предоставляющий определенные льготы, что было связано с рядом причин: часть мигрантов не оформили официально статус ВПЛ, поскольку посчитали это унизительным для себя; часть не оформили, поскольку это связано с бюрократическими процедурами и потерей времени; некоторые потеряли статус, поскольку не смогли по тем или иным причинам пройти процедуры необходимого периодического подтверждения статуса; некоторые не смогли получить статус, поскольку оказались не в состоянии найти постоянное жилье (необходимое условие для получения статуса); часть мигрантов из зоны АТО многократно меняли статус, то получая, то теряя его.

С точки зрения способа реализации миграция может быть стихийной, организованной и цепной. Миграция из зоны АТО имеет признаки всех трех разновидностей миграции. В большинстве случаев она начиналась как стихийная. На начальном этапе часть мигрантов получила помощь от общественных организаций и волонтерских инициатив, а позднее и от международных организаций, чья деятельность направлена на помощь мигрантам. Удачные примеры миграции из зоны проведения АТО, а также обострение боевых действий провоцировали эффект цепной реакции. Именно такие волны стали наибольшим вызовом для гражданского сообщества Украины, что привело к самоорганизации ряда волонтерских инициатив.